

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ

От Киевского жителя к его другу

(Письмо I)

Карамзин: pro et contra

Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей.

Антология

Составитель: Л. А. Сапченко

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 05--04--16306д

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы "Культура России"

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.

OCR Бычков М.Н.

<...>

У нас в Киеве, как и везде, с жадным удовольствием читают Историю государства Российского, -- с удовольствием и при-знательностию за долговременный труд, предпринятый почтенным автором, дабы. Смело повторю слова его -- *сделать Российскую историю известнее для многих даже и для строгих судей его*. Что имели мы до сих пор со времени появления наук в России? Простые выписки из летописей различно понимаемых, выписки более или менее многословные, без соображений, без исторической критики. Даже на Ломоносова в его Российской Истории смотри с любопытством единственно как на великого человека: как основатель Петрополя и с повелительным скипетром в деснице и с орудием хирурга для нас равно чудесен. Без сомнения, материалы исторические доныне еще *не собраны, не изданы, не очищены критикою*; но в последние шестьдесят лет одни иностранцы сколько сделали полезного для истории нашего Отечества, хотя большею частию трудились для посторонней цели! Если прибавить, что историограф пользовался такими пособиями и средствами, которые для прочих любителей отечественных древностей недоступны; если прибавить наконец, что пленительный талант его многих заохотит ко чтению давно ожидаемой истории: тогда всякий согласится со мною, что важный труд сей будет иметь полезное влияние на умы и что каждый благомыслящий сын России должен принять его с чувством признательности. Вот моя мысль, вот мысль многих наших знакомых.

Но отдавая должную справедливость труду и таланту, я весьма не согласен с закоренелыми поклонниками, которые хлопочут о том единственно, чтобы божок их всем и каждому казался совершен, непогрешителен, как тибетский Далай-Лама. Такое смирение, весьма странное в сем случае, может быть еще и весьма вредным для успехов здравой словесности. Она не терпит ни олигархии, ни деспотизма: благоразумная свобода есть стихия, которою живет она и без которой мертвеет. Либеральные правила суть краеугольный камень литературной конституции у всех образованных народов, во всех странах просвещенных. Там журналисты дают отчет о выходящих в свет книгах, предлагая о них суд свой, который по крайней мере занимает публику, показывает ей предметы с разных сторон, дает пищу ее любопытству. Чем важнее сочинение, тем скорее узнают об нем любители чтения, тем быстрее сообщаются или отталкиваются мнения, тем более в умах жизни, движения, тем более побудительных причин к новым розысканиям. А у нас? Вышла *История государства Российского*, и тотчас господа редакторы журналов, каждый в свою очередь, отдали честь ей высокопарным приветствием, как военные караулы мимо едущему генералу отдают честь игранием на трубах или барабанным боем. Генерал проехал, и все затихло. Ни один из редакторов не взял на себя труда, прочитавши творение, сказать что-нибудь дельное, полезное или хоть занимательное для публики (если не для автора, ибо он может и не читать рецензий)! А что причиною сему? Конечно, не лень тех редакторов, которые хотели бы сказать свои мысли о книге, предложить свои суждения, заметить ошибки и показать источник оных; нет, а закоренелая привычка некоторых читателей к первым впечатлениям. Или лучше скажу, их собственная лень, не позволяющая им немного приподняться, посмотреть вокруг себя на все стороны, сравнить предметы одни с другими, подумать о том, что было прежде и что впредь быть может. Кому приятно видеть вокруг себя нахмуренные лица? *Отчасти* по сей причине наша критика ищет себе легкой добычи,